

ИЗ ПОЧТЫ “ОНС”

М.А. ФЕЛЬДМАН

Социалистическая мысль в преддверии столетия Октября

В тексте рассмотрены перемены в развитии социалистической мысли спустя два десятилетия после распада СССР. Приводятся новые оценки содержания Октябрьской революции, практики социалистического строительства, ценности опыта советского проекта, причин распада советского пространства. Вывод: российская и зарубежная социалистическая мысль эволюционирует, в ней происходят важные перемены, главная из которых – освобождение от сталинских догм.

Ключевые слова: советский проект, Октябрьская революция, СССР, Россия, социализм, капитализм, эволюция.

Выход в 2013 г. сборника “СССР. Незавершенный проект. Размышляя о марксизме” (под редакцией А. Бузгалина и П. Линке) [СССР 2013] – примечательное событие в историографии советской эпохи. Авторы, известные ученые России и зарубежья, хорошо знакомые по публикациям последних 30 лет, сохранившие верность социалистическим идеалам, – обратились к широкому спектру вопросов: от определения содержания Октябрьской революции и практик социалистического строительства до выяснения причин распада СССР. Стерженем, объединяющим все разделы книги, стало выяснение ценности опыта так называемого “советского проекта” – 74-летнего этапа российской истории. Ряд сюжетов и выводов, содержащихся в рассматриваемом исследовании, заслуживают внимательного рассмотрения, которое удобно осуществить, сгруппировав их в три основные проблемные блока.

Первый из них – **определение сущности и содержания Октябрьской революции.** По оценке Бузгалина, она – часть мирового процесса социального освобождения, включающего и революцию, и реформы; появление ростков нового общества; ответ на вызовы XX в. Следует помнить, что Россия, предприняв ряд попыток перейти к капитализму и рынку, так и не осуществила их полностью, оставаясь накануне 1917 г. страной военно-феодалного империализма. В результате Октябрьской революции возникла система, приспособленная к условиям индустриализма и жесткого военного противостояния, но с момента своего рождения – не адекватная объективным вызовам нового общества (с. 28, 77).

Гораздо сложнее, подчеркивает Бузгалин, доказать, что действительно содержание Октябрьской революции было социалистическим. В пользу этого утверждения выступает то, что революция стала источником творчества масс; вызвала к жизни созидание самими трудящимися новых социальных форм, несших в себе ростки нового общества: Советы, массы новых общественных организаций, кооперативы; художественные объединения и “революционные” театры. Но это не было единственной линией Октябрьской революции. “В ней было много и того, что характеризует как инертность общественного развития, так и разрушительные составляющие самой революции. Низы СССР несли в себе не только черты ассоциированного социального

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 8 Марта ул., д. 66, Екатеринбург, 620990. E-mail: feldman-mih@yandex.ru.

творчества, но и родовые черты Хама. Реальная диалектика революции была такова, что баланс разрушения и созидания был очень подвижен и колебался, вызывая фантастические достижения и разрушения на протяжении долгих десятилетий, пока не завершился поражением советского проекта” (с. 61). В устах одного из ведущих ученых социалистической ориентации, признанного специалиста по современному рабочему движению, такое признание дорогого стоит.

Если Бузгалин указывает, по крайней мере, на двойственность содержания Октябрьской революции, то для Б. Славина вопрос выглядит более определенным и лишенным неоднородности: будучи только по форме переворотом, Октябрьская революция “впервые привела к власти на долгое время трудовые низы общества – рабочих и крестьян, и связанную с ними интеллигенцию”. Следовательно, социалистический характер Октября не подлежит сомнению. Отсюда вытекает главный довод автора в пользу “социалистичности” революционного проекта – национализация земли, крупных заводов и фабрик, банков, транспорта (с. 93). Но с учетом вынужденного характера национализации, произвольных и непродуманных методов экспроприации частной собственности [Фельдман 2014] такой довод, мягко говоря, смотрится необоснованным.

Своеобразным выглядит и мнение И. Пантина, будто Октябрьская революция представляла собой “не переход к социализму, а ответ на вызовы Современности”, поскольку “буржуазное общество не смогло разрешить социальные противоречия и антагонизмы”. При этом события 1917 г. не могут быть поняты вне общеевропейского политического кризиса, вызванного Первой мировой войной (с. 147, 149). Решение указанных проблем оказалось связанным с активной деятельностью социальных низов. Революция (пролетарская) “придала больший вес городским низам и крестьянской бедноте, то есть элементам, в силу тех или иных причин выбитым из общественной и производственной жизни и не нашедшим себя в ней. Эти слои после крушения старой России стали массовыми. И поскольку всякая деятельность, имеющая общественное значение, была огосударствлена, бюрократизирована, постольку сотни тысяч (если не миллионы) людей, недостаточно подготовленных духовно, устремились в государственные учреждения. Происходит варваризация исполнительной власти” (с. 162, 163).

Отмечая небуржуазный характер развития, заданного Октябрем, А. Колганов указывает, что “буржуазные цивилизационные задачи облекались ... в оболочку социалистических лозунгов, а отчасти и социалистических форм, особенно в сфере распределения” (с. 166). Но и эти лозунги могли быть только формальностью, поскольку, по замечанию еще одного из авторов сборника П. Чаттопадхая, “большевистские лидеры называли свои режимы социалистическими только для того, чтобы марксизм был совместим с исторической реальностью”. Это делало их удобным инструментом легитимизации происходящего в ситуации, когда судьба 170 млн человек была решена группой лиц, не относившихся к пролетариату, далеких от реальных экономических процессов производства (с. 261, 263).

В приведенном выше ряду высказываний мнение М. Воейкова, что “социально-экономический строй, возникший в России после революции 1917 г., мог быть только буржуазным” (с. 197), выглядит, казалось бы, крайностью. Однако оно вполне вписывается в канву рассуждений авторов книги: в России второго десятилетия XXI в. СССР остается адекватным воплощением социализма, а Октябрьская революция – “подлинно социалистической только для сталинистов” (с. 11).

В целом в современной социалистической мысли подобные оценки достаточно редки (как и высказывания об исключительности российской революции Октября 1917 г. в мировом пространстве). А преобладающей точкой зрения становится парадигма о двойственности содержания революции, в частности, о варварских методах осуществления даже демократических по своей сути задач в системе координат экономики и общества раннебуржуазной эпохи; той политической сферы, которая досталась от военно-феодального государства.

Социалистическая мысль за несколько лет до столетнего юбилея Октябрьской революции находит в ее содержании элементы развития, отличные от практик капитализма первых десятилетий XX в., временами (только временами!) по традиции называя их “социалистическими”, но вместе с тем фиксируя их внутреннюю противоречивость, неадекватность объективным вызовам эпохи и социалистическому идеалу. Вместо свода предпосылок и закономерностей свершения социалистической Октябрьской революции современные исследователи выдвигают на первый план иное: небывалое обострение противоречий раннего капитализма в ходе мировой войны, а также неспособность властных структур хотя бы смягчить и более равномерно распределить тяготы войны между социальными слоями. Думается, в этом выводе заключается то приращенное знание, тот потенциал, которые способны вывести гуманитарные науки на новый уровень подлинно научного познания двух взаимосвязанных явлений: собственной истории и окружающего мира.

Второй блок затрагиваемых авторами сборника проблем – попытка общей **оценки советского опыта**. Тут легко выделить три основные точки зрения представителей социалистической мысли. Первая позиция (Б. Курашвили, А. Пригарин, Б. Славин) характеризуется пониманием СССР как страны “раннего социализма с определенными бюрократическими деформациями”, допущенными в годы тоталитаризма (1930 – начало 1950-х гг.) (с. 13). При этом советская история неоднократно демонстрировала возможности реформирования экономики, а в годы перестройки вышла на социал-демократический вариант развития общества (с. 137). Слабость этой позиции в том, что сведения причин трагедии 1930-х гг. к преимущественно субъективным факторам и рассмотрение истории СССР как искривление “верной линии”, началом которой стал НЭП, во-первых, затушевывает вопрос о хрупкости демократической линии развития; во-вторых, не указывает на глубинные противоречия нэповской России. Кроме того, трактовка социализма как государства “с общественной собственностью на средства производства и властью народа” в реальной практике СССР оказалась иллюзорной, поскольку ключевым параметром становилась форма (собственность, власть), в то время как действительным содержанием социализма должна выступать мера развития социального освобождения человека (с. 22).

Вторая позиция подробно изложена Бузгалиным. По его мнению, СССР и мировая система социализма (МСС) в целом возникли как мутация общемировой тенденции генезиса “царства свободы”. Результатом стала мутировавшая от рождения, в основе своей некапиталистическая система, включавшая немало ростков упомянутого “царства”. Все эти ростки развивались, однако, в деформированном бюрократически и капиталистически виде. И если социализм понимать как систему, «где господствует государственная собственность и централизованное планирование, нет частного капитала, и есть государство, действующее от имени трудящихся, то такой “социализм” в СССР действительно был. Если же социализм характеризуется как прежде всего социальное освобождение, то найти его в МСС становится гораздо сложнее» (с. 14, 15).

В контексте приведенного подхода к определению сущности социализма (мерилом которой выступает мера развития социального освобождения человека) социалистическое содержание советского проекта выглядит туманным: найти в СССР государство, декларативно “действующее от имени народа”, представляется возможным. Поиск же примеров реального социального освобождения затруднителен. Это обусловлено тем, что к достоинствам советского социалистического проекта исследователь отнес и вполне определенные, имеющие свою статистическую основу явления (успехи научно-технической революции, высокий уровень социального творчества и общей культуры) и более трудно вычисляемые “действительные ростки социального освобождения”, равно как и “социалистическую составляющую в советской системе” (с. 15, 60).

Мне думается, проблема тут заключается в том, что понимание Октябрьской революции как части мирового процесса социального освобождения выводит и на признание того, что весь советский проект – составная часть подобных трансформаций не только в научной, технологической, технической, военно-технической, но и в социальной сфере в широком понимании этого термина. И суть указанного процесса – в нелинейном движении к реальному социальному государству. Но в этом случае оценка продвижения (достижений и провалов) СССР, как и любой другой страны, может быть измерена не только в памятном сравнении с уровнем 1913 г., но и в сопоставлении с лучшими мировыми показателями, раскрывающими степень социального освобождения человека. Замечу, что именно в ходе такого сравнения, касательно любого периода советской истории, отечественным историкам еще предстоит открыть немало “неприятной” информации, заставляющей более сдержанно и непредвзято оценивать успехи советского общества, одновременно воздерживаясь от терминов типа “всемирно-историческое значение”.

В этой связи сравнение опыта СССР и опыта ренессансной Италии с ее инквизицией, гражданскими войнами и Высоким Возрождением, без сомнения, весьма эффективно и образно, но страдает в главном – в несопоставимости степени освобождения человека в сравнении с предшествующим периодом. Научное знание и осмысление результатов такого сравнения приводит к выводу о глубоком противоречии советского опыта: “между прорывом в постиндустриальной, собственно социалистической сфере, и огромным отставанием в традиционной индустриальной, собственно буржуазной сфере”. Далее Бузгалин, отойдя от весьма спорного сопоставления “постиндустриального” и “социалистического” общества, конкретизирует характер противоречия следующим образом. “Опыт СССР с его дефицитом и ГУЛАгами, с одной стороны, и великой культурой, наукой и образованием – с другой”; стремлением масс к самоуправлению в различных формах – и реальным доминирующим господством государственно-бюрократической собственности и власти номенклатуры, чуждым социалистическому идеалу. Баланс разрушительной и созидательной тенденций в целом приводил к тому, что “из имеющихся элементов наибольшее развитие и закрепление получили процессы бюрократизации, развития госкапитализма и

другие черты, породившие устойчивую, но крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему”. Резюме вполне однозначно: суть советского опыта может быть представлена категорией “мутантного социализма”, представляющего тупиковый вариант общественной системы, выходящей за рамки капитализма, но не образующей устойчивой модели (с. 29–31, 42, 49).

Третья позиция объединяет круг авторов (наиболее подробно она представлена Г. Водолазовым), отрицающих наличие в СССР и в МСС сколь-нибудь значимых социалистических слагаемых. Природу Советского Союза эти авторы трактуют либо как некую разновидность капитализма (Т. Клифф, М. Воейков), либо как азиатскую деспотию, либо как особую, не имеющую исторических аналогов общественную систему. Основные аргументы, доказывающие несоциалистическую природу СССР, широко освещались в постсоветские десятилетия. Вот некоторые из них: экономическая и политическая власть находилась в руках номенклатуры; существовала более жесткая, чем в капиталистическом мире, эксплуатация трудящихся; политическая и идеологическая система была тоталитарна; социальные льготы – закрыты или незначительны и т.п. В таком контексте следует поддержать точку зрения Воейкова: “Основная дилемма советской практики и идеологии организации труда и производства: труд называли социалистическим, потому что иначе его назвать было невозможно, но практика организации труда была буржуазной”. И это не было случайным, так как по своим характерным чертам общество, возникшее после революции в России, больше напоминало буржуазное, чем социалистическое, в классическом его понимании, не только в 1920-е гг., но и в более поздний период. Основы советского общества были буржуазными, но пропаганда, идеология советского периода, конечно, не были таковыми. Государство насаждало ложное сознание на официальном уровне и внедряло его в умы столь эффективно, что до самого конца мифологическое восприятие действительности оставалось частью мировоззрения значительной доли образованных слоев советского общества (с. 207–212). Иначе говоря, спустя два с небольшим десятилетия после распада СССР, представители социалистической мысли демонстрируют весьма примечательную эволюцию. То, что казалось верхом свободомыслия в годы перестройки (признание несовершенства социалистического проекта в СССР – стране с бюрократическими деформациями), ныне корреспондирует с умеренным течением неомарксизма.

Столь же пограничной представляется и точка зрения об отсутствии в СССР сколь-нибудь значимых социалистических слагаемых. На первый план вышла позиция тех авторов, которые говорят о ценности советского опыта, приводя примеры широкомасштабных экономических проектов отраслевого и регионального развития, образовательных и культурных программ, при этом реализованных – в жестких рамках авторитарного режима и оторванных от задачи социального освобождения человека. Подобный опыт рассматривается как один из вариантов демократизации капиталистического общества, и крушение СССР не воспринимается как отрицание значимости свершений советской эпохи.

Такого рода сентенции примечательны не только тем, что они в наиболее законченной форме принадлежат Бугзалину – теоретику и публицисту левого фланга общественной мысли, одному из создателей так называемой марксистской платформы КПСС, к слову сказать, избранным в 1990 г. на последнем партийном съезде членом ЦК КПСС. В этих выводах я вижу движение неомарксизма к демократическим истокам социалистической мысли. Что касается оценки ценности советского проекта, ключ к разгадке тайны нашего недавнего прошлого, как представляется, лежит в двух плоскостях: во-первых, в детальном выявлении советского вклада в мировое развитие в конкретные исторические периоды (даже с учетом сложности подобной задачи и необходимости обращения к интегральным показателям). Во-вторых, в не менее трудном выяснении соотношения разрушительных и созидательных тенденций советской действительности.

Наконец, третий проблемный блок – **причины распада СССР**. Ряд обстоятельств: болезненность и политизация этой темы (драматизм события только глубже осознается с годами, по крайней мере у поколения, пережившего 1991 г. в зрелом возрасте); колоссальная литература, посвященная причинам распада СССР, включая систематизирующие историографические изыскания (см. [Алексеев, Алексеева 2003]), заметно осложнили задачу исследователей. Тем не менее мысли авторов по данной тематике представляют определенный интерес. Так, по утверждению Бугзалина, в 1970-е гг. резко обострилась проблема потребления в условиях дефицита элементарных потребительских благ; по нарастающей расширялся конфликт между стремлением советских людей к росту социального благосостояния и экономикой дефицита. “Мутантный социализм” в СССР не смог создать социальную среду, способную удовлетворить потребности граждан даже на минимальном уровне и, в конечном итоге, строй оказался без поддержки большинства населения. Советский проект не смог создать сбалансированную практику соотношения плана и рынка. Нерегулируемый (в силу непонимания и незнания его закономерностей)

рынок стал тем “тигром”, который “загрыз” советскую экономику. Государственно-бюрократическая собственность, чуждая социалистическому идеалу, в реальности оказалась другой стороной медали частной собственности (с. 33, 38, 42, 45).

Подобный вывод, собственно говоря, раскрывает тайну стремительности и внешней легкости перехода в 1990-е гг. от монополии госпредприятий к доминированию частного сектора. Исключительно важным, фактически открывающим новое направление исследований, представляется и наблюдение, что одной из причин краха СССР стало торможение работы социального лифта, вступившего в глубокое противоречие с властью номенклатур. Следует отметить, что ученый касается самой неизученной проблемы советской истории – социальной динамики и качества социальной циркуляции, если конечно не брать безнадежно устаревшие догматические труды о “росте рабочей прослойки” в аппарате.

В этой связи характерно следующее замечание А. Шубина: “...при Брежневле обновление кадров протекало крайне медленно в результате стабилизации кадров. Такое положение подрывало основной принцип бюрократической иерархии – принцип карьеры, который гарантировал чиновнику продвижение по службе” (с. 245). Данное утверждение, конечно, приобрело бы большую ценность при обращении к региональным или общесоюзным статистическим данным. Но в любом случае “закупорка сосудов кадрового обращения” – без сомнения, фиксировала тяжелую болезнь в бюрократическом государстве. Энергия чиновников среднего и нижнего звена была направлена не на спасение Советского государства, а на удовлетворение личных амбиций и интересов. Шубин отмечает и такую затяжную болезнь советской социально-экономической модели (еще одну “закупорку”): барьером на пути развития СССР как гигантской корпорации, подобной капиталистическим, в направлении большей автономизации подразделений и элементов, становления общества с сетевыми связями стала крайняя степень монополизма и бюрократизации хозяйства и социальных отношений (с. 231). Иными словами, одна из важнейших задач государственной политики в послевоенный период – совершенствование управления изменениями в органах власти – оказалась невостребованной. Советский проект проиграл соревнование Западу в степени конкурентоспособности государственного управления.

По мнению А. Колганова, поскольку в советской модели планового хозяйства не было сколько-нибудь действенного механизма оценки принимаемых решений с точки зрения их эффективности, а также вследствие слабости стимулов к техническому прогрессу на уровне предприятий/отдельных работников в стране произошла широкомасштабная эрозия культуры труда, вступившая в конфликт с “социалистическими ценностями”. Параллельно в СССР шел процесс окостенения бюрократической системы и нарастания ее враждебности к любым проявлениям духа свободного творчества, поскольку в 1970-е гг. “наиболее образованная часть населения стала приобретать отчетливые антибюрократические настроения, ощущая потребность в свободе и демократии” (с. 171, 172, 173). Если учесть, что, по известному признанию Ю. Андропова (1983 г.), еще одна часть общества оказалась охвачена социальной апатией и с учетом настроений в национальных республиках справедливо сделать вывод о масштабном (явно недооцененном) расколе внутри советского общества к началу перестройки.

В 1950–1980-е гг. в недрах специалистов-интеллигентов и служащих формировались зачатки гражданского общества – системы горизонтальных, независимых от государства общественных связей. Это были изолированные друг от друга группы неформального общения, связанные между собой музыкальной культурой (клубы самодельной песни, рок-движение), реже – общественной активностью культурно-экологической, педагогической и правозащитной направленности. Противопоставляя себя неконтролируемому интеллектуальному и художественному творчеству, режим провоцировал эти весьма разнородные группы на переход к творчеству социальному. Вот почему, заключает Шубин, советское общество перестало быть идейно монолитным. Всеобщее возмущение вызывали номенклатурные привилегии, неэффективность работы бюрократического аппарата, произвол и безответственность чиновников, коррупция. В такой ситуации уже в первой половине 1980-х гг. возникли ядра будущих “партий” времен перестройки (с. 240, 245, 247).

В итоге одновременное нарастание неэффективности многоступенчатой централизованной системы управления, усиление торможения и искажения информации при передаче с одного уровня на другой, утрата способности к быстрой концентрации и межотраслевому переливу закономерно привели к затуханию не только советской экономики, но советского проекта в целом (с. 174). Сталинская модель общества, сохранившаяся в своих основных чертах до 1985 г., не содержащая в себе механизмов эволюции, адекватной задачам постиндустриальной эпохи, оказалась тупиковой.

Разделяя и поддерживая аналитику причин крушения советского проекта, выскажу следующие соображения. Во-первых, малодоказательно выглядит утверждение Воейкова, будто

главная причина неуспеха рыночных реформ советского периода заключалась в том, что социалистический строй, социализм в целом оказались теоретически несовместимы с рыночной экономикой (с. 214). Например, эволюция взглядов Л. Абалкина (ученого, а в 1989–1991 гг. – заместителя Председателя Совета Министров СССР) в 1985–1990 гг. заставляет усомниться в сказанном [Абалкин 1991, с. 214]. Сомнения усиливает и опыт Китая.

Во-вторых, далекой от науки выглядит “теория заговора” части советской элиты в трактовке В. Шевченко. То, что он ставит в вину А. Яковлеву (“план” которого включал введение в СССР рыночной экономики с оплатой по труду; рассмотрение собственника как субъекта свободы; установление демократии и гласности с их общедоступной информацией и системой обратных связей), в действительности представляет не что иное, как свод общедемократических задач. Демонизация личности М. Горбачева – “центральной фигурой заговорщиков был Горбачев, полностью посвященный в планы заговорщиков” (с. 363) – и вовсе противоречит историческому контексту: хорошо известна эволюция взглядов и поступков советского лидера в годы перестройки от ортодоксальных взглядов и методов до социал-демократических. Утверждение же о том, что коварный “Запад втянул СССР в мировую капиталистическую систему через нефтедоллары и кредиты”, дезавуирует сам Шевченко, отметивший, что “Запад переиграл (к концу 1980-х гг.) отечественную теоретически малообразованную партийно-государственную номенклатуру” (с. 371). Не кредиты и нефтедоллары, а неумение ими рационально распорядиться – вот что стало бедой советского проекта.

В-третьих, в аналитике причин гибели этого проекта не достаёт хотя бы беглого упоминания о конфронтационном противостоянии СССР с миром капитализма. Между тем “византийская” имперская модель внешней политики, блокировав социально-экономические реформы второй половины XIX–начала XX в., во многом погубила дореволюционную Россию. Далее, фактически трансформировавшись в псевдосоциалистическом облики в борьбу за победу социализма во всем мире, эта политическая линия повторилась в советской действительности и с теми же результатами. Колоссальное перенапряжение сил и растрата ресурсов в ходе конфронтации со странами Запада обескровили СССР и лишили его к концу 1980-х гг. всех союзников.

В этой связи можно только пожалеть, что авторы рассматриваемого исследования явно недооценили и обошли вниманием роль внешнеполитического фактора в советской истории. В современном мире успех какого-либо социально-политического проекта зависит от наличия или отсутствия экспансионистских целей и действий, а также от научности просчета их последствий. Между тем преимущественно имперский характер внешней политики СССР стал роковым для концепта построения социалистического общества на одной шестой части земного пространства.

* * *

Анализ книги “СССР. Незавершенный проект. Размышляя о марксизме” свидетельствует о важных переменах в развитии отечественной социалистической мысли. Освобождение от сталинских догм – только часть прощания с леворадикализмом. Понимание вторичности социалистических лозунгов в ходе Октябрьской революции сочетается с признанием того, что различные социальные слои могли осенью 1917 г. преследовать собственные, далекие от социалистического идеала цели. Но рассмотрение советского проекта как части мирового пути к социальному прогрессу лишь открывает дорогу компаративным межстрановым исследованиям как к основному направлению социальной истории. А признание приоритета “социального освобождения человека” и демократических ценностей, возможно, позволит неомарксизму вновь обрести себя в качестве науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалкин Л.И. (1991) Неиспользованный шанс: полтора года в правительстве. М.: Политиздат.
Алексеев В.В., Алексеева Е.В. (2003) Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. № 5. С. 3–20.
СССР. Незавершенный проект. Размышляя о марксизме (2013) М.: Леланд.
Фельдман М.А. (2014) “Мы, собственно, ни одного серьезного опыта национализации не провели”: дискуссии на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства (25 мая–4 июня 1918 г.) // Российская история. № 1. С. 44–53.

Socialist Thought in Anticipation of the Centennial of October

M. FEL'DMAN*

Fel'dman Mikhail – doctor of sciences (History), professor the Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 66, 8 Marta st., Ekaterinburg, 6209908, Russian Federation. E-mail: feldman-mih@yandex.ru.

Abstract

The article deals with the changes in the development of socialist thought two decades after the collapse of the USSR: new evaluation of the October revolution and the socialist construction practice, finding out valuable work experience “of the Soviet project, interpretation of the USSR of the collapse causes. The evolution of Russian and foreign socialist thought is estimated in the following way: there is the important change in it – the liberation from the Stalinist dogma.

Keywords: Soviet project, the October revolution, the Soviet Union, Russia, socialism, capitalism, evolution.

REFERENCES

Abalkin L.I. (1991) *Neispolzoyanniy shans: poltora goda v pravitel'stve* [Unused chance: one and a Half years in government]. Moskva: Politizdat.

Alekseev B.B., Alekseeva E.B. (2003) Raspad SSSR v kontekste teorii modernizatsii i imperskoy ehvolutstsii [The collapse of the USSR in the context of theories of mo-modernization and Imperial evolution]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 5, pp. 3–20.

SSSR. *Nezavershenniy proekt. Razmyshlenie o marksizme* [The USSR. Unfinished project. Thinking on Marxism]. Moskva: Leland.

Fel'dman M.A. (2014) Мы, собственно, ни одного серьезного опыта национализации не провели: дискуссии на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства [“We, in fact, no serious experience of nationalization is not held”: discussion on the First all-Russian Congress of Councils of national economy (may 25–June 4, 1918)]. *Rossiyskaya istoriya*, no. 1, pp. 44–53.

© М. Фельдман, 2016

От редакции: в № 4 2015 г. в статье А.И. Соловьёва “Этика правящего класса как источник государственных стратегий” по техническим причинам из текста выпали два абзаца. Редакция приносит Александру Ивановичу Соловьёву свои глубокие извинения.

Сдано в набор 16.10.2015	Подписано к печати 10.12.2015	Дата выхода в свет 20.01.2016
Формат 70 × 100 ^{1/16}	Цифровая печать Усл. печ.л. 14,3	Усл.кр.-отг. 2,9 тыс. Уч.-изд.л. 18,5
Бум.л. 5,5	Тираж 203 экз.	Зак. 823 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароковский пер., д. 26, Москва, 119049
Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука” РАН, Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
Оригинал-макет подготовлен издательством “Наука”
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099